

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

Р. И. Шендерова

ЛЮБИМЫЙ УЧИТЕЛЬ
ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ
СОРОКА-РОСИНСКИЙ
В 1948–1960 гг.*

УДК 74.03(2) СОРОКА-РОСИНСКИЙ В. Н.
ББК 371.4

Данный материал представляет собой отрывок из повести «Знаменитый универсант Виктор Николаевич Сорока-Росинский. Страницы жизни», написанной на основе личных воспоминаний о любимом учителе, друге и наставнике его ученицей послевоенных лет Р. И. Шендеровой. Автором впервые была составлена биография учителя на основе архивных материалов.

Ключевые слова: В. Н. Сорока-Росинский; педагогический опыт; уроки литературы и русского языка.

R. I. Shenderova

FAVORITE TEACHER VIKTOR NIKOLAYEVICH
SOROKA-ROSINSKY IN 1948–1960

This material is an excerpt from the short story “Famous universitarian Viktor Soroka-Rosinsky. Pages of Life “, written on the basis of personal memories of this beloved teacher, friend and mentor by his student of the post-war years R. I. Shenderova. This teacher’s biography is compiled by the author on the basis of archival material.

Keywords: V. N. Soroka-Rosinsky, pedagogical experience, Literature and Russian language lessons.

* Шендерова Р. И. Знаменитый универсант Виктор Николаевич Сорока-Росинский. Страницы жизни. СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. 176 с., ил.

Он между нами жил...

А. С. Пушкин

С ранней юности и в течение всей жизни я бесконечно рассказывала о Викторе Николаевиче Сорока-Росинском родным, друзьям, однокурсникам, коллегам, просто знакомым — словом, всем, кто проявлял к этой теме хоть какой-то интерес.

В начале 1960-х я увидела в «Литературной газете» огромную — во всю страницу — статью «Знакомьтесь — Викниксор» с хорошо известным мне фотопортретом. Автор — Любовь Кабо — живо и убедительно писала о том, что имя «Викниксора» незаслуженно забыто, что он был выдающимся преподавателем русского языка, воспитателем и педагогом. Я ликовала! Нашелся журналист, для которого важны и дороги судьба и наследие этого человека. Немедленно отправила автору восторженное благодарственное письмо и несколько лично мне адресованных писем Виктора Николаевича (святая простота, но мне было всего двадцать пять лет), просила продолжать... Зря просила. Зря лишилась бесценных документов. Л. Кабо не ответила мне, не поблагодарила за подлинные письма...

Где-то в 1976-м или в 1977 году (точно не помню) я услышала по ленинградскому радио окончание передачи, авторы которой, обращаясь к слушателям, просили прислать свои воспоминания о В. Н. Сорока-Росинском, о том, каким он был в жизни.

Я тут же села и написала пять-шесть страниц рукописного текста — тех, что вылились прямо из сердца, отпечатала их на машинке и отослала.

Письмо дошло и вскоре было озвучено в эфире без малейших поправок и купюр. Его называли «Поэма об учителе».

Через некоторое время меня разыскала московская журналистка Татьяна Яковлева — корреспондент «Комсомольской правды». Я устроила ей встречу со своими одноклассниками, учениками Виктора Николаевича, теми, кто вместе со мной приходил к нему в гости в его крохотную комнатку на Садовой улице.

Потом я выступила с воспоминаниями об учителе в 1982 году на публичном праздновании столетия со дня его рождения, в организации и проведении которого огромную роль сыграла Валентина Андреевна Биличенко с ее неисчерпаемой энергией и страстным

желанием прервать незаслуженное замалчивание имени замечательного педагога-реформатора. Везде, где я выступала, я оставляла страницы своих воспоминаний каждому, кто меня об этом просил.

И вот 26 марта 2006 года, в субботу, в 17:00 Санкт-петербургский Пятый канал телевидения в проекте «Культурный слой» (автор Лев Лурье) посвятил В. Н. Сорока-Росинскому тридцать минут. Я застыла перед экраном, буквально не дыша из боязни что-то не расслышать, не увидеть. Так же внимали этой передаче и мои школьные подруги. И что же? Сам г-н Лурье, В. А. Биличенко, Е. О. Путилова и несколько других участников, которых я видела впервые, снова и снова говорили о легендарном Викниксоре, о событиях, связанных со школой имени Ф. М. Достоевского — Республикой ШКИД, для ее «президента» закончившей существование в 1925 году.

Но с того момента Виктор Николаевич прожил целых тридцать пять лет, и не просто прожил — он постоянно «творил, выдумывал, пробова!»! А по ходу передачи лишь бегло и неточно (смею судить) коснулись последних лет его жизни, а также объявили, что на юбилейном просмотре действительно превосходного фильма Г. Полоки по книге Л. Пантелеева и Г. Белых присутствовали бывшие воспитанники ШКИДы (их было всего двое — угрюмый Л. Пантелеев и приятный, общительный Вольфрам — Купа Купыч Гениальный) и даже не упомянули, что в зале сидели десять учениц Сорока-Росинского из его любимого 5—7-го «Д» класса 233-й

школы. Заключительные слова г-на Лурье звучали так: «И благодарная память о Викниксоре долго жила в сердцах его учеников».

Но мы-то — его *ученицы* послевоенных лет — живы! Мы помним и любим не литературного персонажа, не киногероя, мастерски сыгранного С. Юрским, а *нашего учителя*. И последние двенадцать лет его жизни, возможно, известны мне лучше, чем кому бы то ни было.

1

В сентябре 1948 года в 5 «Д» классе нашей школы в переулке Антоненко около двух недель не было уроков русского языка и литературы. Говорили, что не хватает учителей. И вот где-то во второй половине месяца в класс вошла завуч Ольга Родионовна Струговщикова, а за ней пожилой мужчина среднего роста, подтянутый, в темном френче с накладными карманами, с белым подворотничком, тщательно застегнутый, на носу пенсне с голубыми стеклами. Мы встали в знак приветствия. Ольга Родионовна сказала: «Это ваш учитель русского языка и литературы» — и вышла.

Звучным, красивым баритональным басом он представился: «Виктор Николаевич Сорока-Росинский». Тут же подошел к доске и написал свою фамилию, имя и отчество. Почерк был разборчивый, но некрасивый — буквы сжатые, длинные, никаких округлостей и завитков. Предупредил, что склоняется только вторая часть фамилии. Затем сделал перекличку, каждая из нас вставала, он внимательно ее осматривал и говорил: «Садись». Потом предложил нам диктант (ни-

когда не говорил «диктовка», всегда — «диктант»), собрал листочки (по его просьбе каждая вынула из чистой тетради развернутый лист) и ушел. На следующий день он вернул нам наши работы. Результаты самые плачевные: ни одной пятерки, три или четыре четверки, около десяти троек, остальные — двойки и несколько единиц. Мы были поражены, уничтожены. Я горько рыдала над своей тройкой.

Виктор Николаевич быстро успокоил нас, сказав, что эти оценки в журнал не поставит. Все должны дома сделать под диктантом работу над ошибками: три раза правильно написать слово, в котором была ошибка, безударную гласную проверить ударной в однокоренном слове, нечеткие согласные проверить четкими, в каждом слове выделить приставку, корень, суффикс, окончание. Он объяснял просто, доходчиво, с яркими примерами. Снова дал диктант на десять минут — смысловое продолжение вчерашнего. Сказал, что, выполняя домашнюю работу, можно спросить то, что непонятно, у подруги, у родителей, заглянуть в словарь. На следующий день (третий урок Виктора Николаевича) учитель продиктовал смысловое окончание диктанта, забрал наши листочки и попрощался. Надолго. Как потом выяснилось, заболел.

Мы ждали его каждый день. Волновались. Он был словно из какого-то другого мира — необычного, значительного; мы как-то сразу почувствовали, что он не похож на других учителей. Наконец наступил день, когда открылась дверь и Виктор Николаевич вошел в класс. В едином

порыве мы встали из-за парт и начали бурно аплодировать. Чуть дрогнувшим голосом он сказал: «Садитесь. Продолжим урок».

* * *

Он учил нас русскому языку по своей системе. Мы не знали учебников, ни разу не выполнили ни одного упражнения. У нас были придуманные учителем таблицы, считалки, «запоминалки». Каждый урок русского языка заканчивался небольшим диктантом — связным текстом, буквально «нафаршированным» (его выражение) трудными словами. Этот диктант мы уносили с собой, могли свериться друг с другом. А дома надо было найти заданное количество слов на изучавшееся в классе правило в литературном произведении, которым мы занимались на уроке литературы.

Каждый день — новое правило. В субботу — диктант на целый урок, окончание текста, который мы писали пять дней подряд. Сначала Виктор Николаевич читал каждое предложение два раза, и мы записывали. Затем методика изменилась: он читал предложение только один раз, а второй раз его по памяти повторяла назначенная для этого ученица. Мы должны были разобрать каждое слово (карандашом выделить приставку, корень, суффикс и окончание). Наконец учитель собирал наши работы, предварительно прочитав весь текст. Когда к орфографии прибавилась пунктуация, во время диктанта мы не только разбирали каждое слово, но и делали разбор по членам предложения, маркируя особыми значками подлежащее, сказуемое, прямое и косвенное дополнение, обстоятельство и т. д.

В понедельник Виктор Николаевич выставлял отдельные оценки за работу над ошибками, за маленькие диктанты, которые мы уносили домой, за домашние задания по текущей классной работе и, наконец, за контрольный субботний диктант. По итогам этой проверки, а также по результатам работы во время уроков, по количеству запоминаемых слов (в длинном предложении, которое нужно было максимально точно воспроизвести, восприняв на слух с одного раза) списочный состав класса располагался в особой толстой тетрадке. Учитель торжественно оглашал, кто из нас на каком месте. Не стану скрывать, что в течение трех лет первое место неизменно принадлежало мне, зато со второго места по последнее (тридцать шестое) происходили большие подвиги. А в школьный журнал Виктор Николаевич заносил только итоговые оценки, те, которые считал нужным внести.

Скоро выяснилось, что человек десять-двенадцать хорошо владеют грамматикой и примерно столько же учениц не владеют ею вовсе. Остальные — посередине. Тогда учитель распорядился, чтобы все хорошие ученицы — «ведущие» сидели с самыми слабыми — «ведомыми». Моей напарницей на три года стала флегматичная Люся Г. — абсолютная чемпионка класса по двойкам и единицам. Каждый день «сильные» проверяли работу «слабых», объясняли правила, помогали в работе над ошибками (последней уделялось особенное внимание).

По ходу обучения домашние задания усложнялись. Теперь в литературном тексте надо было найти нужное

количество предложений, содержащих причастные и деепричастные обороты, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, приложения, прямую речь и т. п. Таким образом, литература и русский язык стали для нас неразрывным целым. Все, что мы изучали по литературе, приходилось читать от начала и до конца, а иногда и не один раз — иначе задания было не выполнить.

Знания, которые давал Виктор Николаевич, и требования, предъявляемые к нам, видимо, были, в два-три раза выше обычного уровня. Когда присылали диктанты из РОНО и ГОРОНО, в нашем классе оказывалось не менее двадцати пятюрок, около десяти четверок, не более пяти троек и никогда ни одной двойки. Ошеломленные коллеги-учителя, инспекторы и руководство школы присутствовали на диктантах, сами отбирали и проверяли наши работы. Результаты были блестящими, неслыханными, но за ними стоял ежедневный упорный труд учителя и целого класса. И хотя, конечно, не все девочки были одинаково добросовестны, даже нерадивым в какой-то мере передавалась увлеченность Виктора Николаевича, а к тому же сказывались постоянный контроль и помощь со стороны сильных учениц.

* * *

А какими интересными стали для нас уроки литературы! Знакомство с русским фольклором мы начали с картины В. М. Васнецова «Богатыри». Учитель принес на урок репродукцию, мы рассматривали ее, а он задавал множество вопросов, заставляя вдумываться в каждую деталь. Какое

изображено время года? Какое настроение господствует в картине? Кто из богатырей самый главный? Почему? К какому сословию принадлежит главный богатырь? Кто справа от него? А он из какого сословия?.. Ну, и так далее. Иногда ответ находился быстро, а иногда мы искали его подолгу.

И сегодня, почти через шестьдесят лет, я помню, как мы сошлись на том, что дело происходит в средней холмистой полосе, это не юг (растут елочки), в конце лета или осенью (трава пожелтела). День ветреный (гривы и хвосты коней растрепаны). Главный богатырь Илья Муромец и Добрыня Никитич вглядываются вправо, а Алеша Попович словно прислушивается. Видимо, что-то «неладно», справа грозит опасность.

Илья Муромец — крестьянский сын, у него нет отчества, он из-под Муромца. На Илье — кольчуга и шлем, в руке щит. Копье и тяжелая палица — привычное оружие ближнего боя. Значит, Илья не боится встретиться с врагом лицом к лицу... А Добрыня Никитич — дворянский сын, имеет отчество. А Алеша из поповских детей — Попович. Он хитер, взгляд его выдает. Шлем у Алеши с длинным подшлемником, надежно защищает шею. Оружие этого богатыря — лук и колчан со стрелами — говорит о том, что Попович ближнего боя не любит. Тут же на уроке узнаем, что А. П. Бородин написал знаменитую «Богатырскую симфонию».

Позднее Виктор Николаевич, который был удивительным декламатором, начал учить нас читать стихи

и прозу. Сначала рассказывал, кто, когда и при каких обстоятельствах написал то или иное стихотворение, поэму, сказку, повесть (до романов в пятом-седьмом классе дело не доходило). Затем читал сам. Я и сегодня помню, как он читал! Весь класс слушал, затаив дыхание. Далее учитель «давал разметку» стихам, усиливая самое главное.

Это было похоже на спектакль. Мало-помалу «театр одного актера» превратился в слаженную труппу. Хочу особенно отметить, как восхитительно Элла Эшпель читала «Выхожу один я на дорогу...». Прелестная девочка, слегка раскачиваясь и полуприкрыв длинными ресницами свои зеленые глаза, она медленно выговаривала слова. Какой кремнистый путь виделся ей?.. Не припомню, чтобы кто-либо из известных артистов декламировал эти стихи лучше, чем наша Элла.

Самым лучшим чтением было поручено разучить поэму «Медный всадник» (мы даже готовились выступать с ней по радио, но что-то сорвалось). Я начинала: «На берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн...». Однажды так вдохновенно прочла свой отрывок (до слов «и запируем на просторе»), что Виктор Николаевич, взволнованный, сказал: «Молодец, Рива! Была бы ты мальчик, я обнял бы тебя и поцеловал». Элла Эшпель продолжала: «Прошло сто лет, и юный град...», затем читала Арина Леонтьева: «Люблю тебя, Петра творенье...». Ее сменяла Лиза Соколова: «Люблю зимы твоей жестокой...». Заканчивала вступление Нина Фомина: «Красуйся, град Петров,

и стой неколебимо, как Россия...».

Учитель всегда обращал внимание класса на неброские детали, из которых складывается характеристика героев. Вот, например, первое знакомство с Евгением:

...О чем же думал он? о том,
Что был он беден, что трудом
Он должен был себе доставить
И независимость и честь,
Что мог бы Бог ему прибавить
Ума и денег...

Только очень неглупый человек станет просить у Бога ума. Глупец своим умом всегда доволен.

Для декламации «Медного всадника» у нас был и второй состав — еще несколько девочек, читавших, может быть, чуточку хуже, а может быть, просто иначе. Виктор Николаевич считал, что голос одного чтеца не должен звучать слишком долго, чтобы не утомить слушателей. Он любил команду, а не отдельных актеров, хотя индивидуальность исполнения и поощрял. Так, с одной стороны, он всеми способами развивал в каждой из нас зачатки таланта, а с другой — не позволял слишком «высовываться».

В пятом классе Виктор Николаевич еще не был нашим классным руководителем. Эту должность занимала преподавательница естествознания Тамара Петровна Т., всецело соответствовавшая духу той тяжелой эпохи, в которую нам довелось жить.

Однажды Тамара Петровна поручила мне — председателю совета отряда — заносить в специальную тетрадь все устные и письменные замечания, которые получали на уроках и переменах мои одноклассники. Виктор

Николаевич очень скоро узнал об этой инициативе, тихонько отвел меня в какой-то уголок и очень по-доброму посоветовал *никогда ничего подобного не писать*. Пользуясь привычной для нас терминологией, он объяснил, что такие записи — прямое доношение, что мне пытаются навязать роль «жандарма» и «агента охраны», а еще — что подобная деятельность крайне неблагородна. Он был явно обеспокоен. Я, конечно, обещала ему поступать так, как он сказал, и никогда не нарушила обещания.

* * *

В одно из воскресений Виктор Николаевич провел с нами первую экскурсию по городу. Она длилась не менее шести часов, а осмотрели мы лишь Исаакиевскую площадь и площадь Декабристов, бывшую Сенатскую. Учитель подробно рассказывал о каждой мелочи, об особенностях фасада каждого здания, его колонн, фронтонов, окон, дверей, балконов; сообщил, что в каждом здании было прежде, что размещается теперь. Кстати, Александровский сад, несмотря на все его очарование, по мнению Виктора Николаевича, был разбит «не на месте», так как он скрывает дивную архитектуру Адмиралтейства, оставляя для обозрения лишь центральную часть. С такой оценкой местоположения сада я никогда больше не сталкивалась.

В другой раз мы столь же внимательно знакомились с Дворцовой площадью, потом — с Петропавловской крепостью, Летним садом, Невским проспектом. Сенат и Синод, арку

Главного штаба, улицу Зодчего Росси и Александринский театр учитель выделял особо — это, по его словам, неповторимый истинно петербургский стиль ампир. Виктор Николаевич постоянно обращал наше внимание на его красоту и своеобразие.

Летом мы часто бывали «на островах» (так он называл ЦПКиО имени Кирова) и в Пушкине. Учитель очень любил эти места. И всюду он читал нам стихи... Ах, как я слушала! Слово боялась пропустить. Моя любовь к родному городу была сформирована пережитой в нем войной и Виктором Николаевичем. Он обращался с нами, как со взрослыми. Никаких скидок на возраст и на трудное детство. А нам было всего по двенадцать-тринадцать лет.

В 1948/1949 учебном году Виктор Николаевич преподавал в трех классах нашей школы — в двух седьмых (выпускных) и одном пятом (нашем). Он неоднократно говорил мне, что с тогдашними семиклассниками у него были обычные прозаические отношения, а душевная близость — только с нами. Впоследствии он рассказывал мне, что одним из самых прекрасных моментов его жизни был тот, когда наш 5-й «Д» приветствовал аплодисментами его возвращение после болезни. Аплодисменты после одной неполной недели совместной работы (всего три урока)! С 1949-го по 1951 год он оставался нашим классным руководителем и преподавал еще в двух классах, где ученицы были на год младше. И опять — там он был просто превосходным педагогом, а с нашим классом длился «роман».

Влияние, впечатление, производимое на нас учителем, было безмерным...

* * *

В шестом классе он предложил нам весьма наглядную и яркую форму соревнования. В классе три колонки парт, каждая колонка — звено, у каждого звена — «свое» окно. Мы старательно озеленяли их. Складывали наши копейки и покупали в магазине цветы; кто мог, приносил из дома. Чье окно красивее?

Раз в неделю на специальную доску вывешивалась «рапортничка» — лист бумаги с фамилиями и оценками каждой ученицы. Но оценки выставлялись не цифрами, а цветными кружками: красный — 5, синий — 4, зеленый — 3, коричневый — 2, черный — 1. В конце недели подводились итоги. Лучшее звено ставило на свое окно «переходящий цветок» — очень красивую бегонию, которую Виктор Николаевич купил сам. Скоро выяснилось, что из-за моих вечных пятерок мое звено почти всегда побеждало. «Неладно!» — сказал учитель и предложил мои красные кружки выставлять, но не учитывать. Признаюсь, мне было обидно. Но любить Виктора Николаевича я не перестала ни на миг.

Кстати, моя «ведомая» Люся Г. диктанты из РОНО теперь регулярно писала на тройку, а раза два получила четверку. Была у меня и еще подопечная — Вера Ф. С ней я занималась у нее дома после уроков в течение одной четверти в шестом классе. Однажды я, как обычно, пришла к Вере, отзанималась положенное время и собралась домой. В этот момент в комнату вошла ее мать, поблагодарила меня и сказала,

что больше уроков не нужно: у Веры появилась «твердая тройка». Подала мне бумажку — двадцать пять рублей, мой первый в жизни заработок! На эти деньги вся наша семья могла прожить целый день. Домой я не шла, а летела. Мама и бабушка не поскупились на похвалы, но все-таки то, что я взяла эти деньги, как-то меня смущало, и я поделилась своими сомнениями с учителем. Он успокоил: зарабатывать уроками — давняя гимназическая практика, а родители Веры как раз просили найти для нее хорошего репетитора.

Виктор Николаевич побывал в семье каждой из нас, лично разузнал, кто, в каких условиях и с кем живет. Самым бедным помогал как мог — устраивал на бесплатное питание, давал немного денег на еду из собственных скудных средств. И все делалось тайно, «чтобы правая рука не знала, что делает левая». Об этих посещениях, помощи и подарках мы узнали друг от друга только много лет спустя, когда его уже не было в живых.

Когда он впервые пришел в мой дом, был день моего рождения. Он со всеми познакомился, особенно почтительно беседовал с бабушкой Василисой Егоровной (чувствовалось, как ему понравилась бабушка и ее имя), нашел приветливые слова для каждого в отдельности, вручил мне «королевский подарок» — отрез коричневой материи на форменное платье, посидел за скромным праздничным столом не более двадцати минут и, попрощавшись, ушел. Мой дядя сразу сказал мне: «Ривочка, тебе необычайно повезло. У тебя необыкновенный, редкий, превосходный учитель!»

* * *

Когда я думаю о Викторе Николаевиче, в памяти открываются бесчисленные шлюзы, воспоминания буквально захлестывают меня... Большой знаток и любитель Русского музея, он неоднократно приводил нас и туда. Экскурсии вел сам. Да и вряд ли какой-нибудь экскурсовод мог бы сравниться с ним в наших глазах. Каждая экскурсия была точно и тонко выстроена, длилась 2—2,5 часа — как раз столько, сколько нужно для детального и неумолимого осмотра.

Помню, что из жанровых картин меня сильно взволновало «Сватовство майора» П. Федотова. С присущей ему склонностью к анализу учитель рассказывал: зажиточная купеческая семья готова породниться с прощельгой в офицерском мундире (дворянин!), пьяницей («посмотрите на его нос и мешки под глазами») и, разумеется, игроком. Невесте и лестно, и тревожно. Она, конечно, мечтает о нежных чувствах, но вряд ли ее мечты сбудутся. Много женщин, перешептываний, пересудов. На переднем плане кошечка намывает гостей, на заднем — сам хозяин этого женского царства. Он в благодушном настроении, но отнюдь не прост! Еще как он-то решит?..

Конечно, мы рассматривали и великолепные картины наших академиков, но большая их часть — на религиозные сюжеты. Нам следовало обратить внимание на цвет, свет, форму, точность рисунка, выверенность поз. О ситуации — ни слова.

Бывали и походы в театр. Сначала Виктор Николаевич на свои деньги

покупал билетов двадцать пять, потом раздавал тем из нас, кому родители давали деньги на билет. Кто не мог, деньги не возвращал, а проходило человек тридцать — в толпе всех не пересчитаешь. А брал он обычно логи, так как там можно было притиснуться друг к другу, на два стула сядут трое, никто и не заметит. Первый поход был в Новый театр (теперь — имени Ленсовета) на «Доходное место» А. Н. Островского. Накануне учитель выразительно прочел нам всю пьесу. Некоторые возмутились: зачем смотреть, если знаешь содержание? Он объяснил, что знание сюжета не мешает, а помогает смотреть спектакль, так как основное внимание зритель уделяет режиссуре и актерским работам.

Когда, возвращаясь с открытия стадиона имени Кирова в Приморском парке Победы, мы штурмом брали трамвай, двое ловких молодых вытаскивали у Виктора Николаевича из специального кармашка серебряные часы-луковицу. Учитель сказал мне, что одного из них ему удалось задержать и обыскать. «Я умею это делать, — прибавил он в ответ на мой удивленный взгляд, — но, видимо, воришка передал часы своему поделнику, а тот немедленно скрылся... Понимаешь, Рива, эти часы отец подарил мне, когда я уезжал из родительского дома в Петербург. Было это в 1901 году. Часы шли идеально — недорогие, но швейцарские. Я сумел сберечь их в самые трудные, самые голодные годы Гражданской и Великой Отечественной войн. Никогда не расставался. А этим прохвостам они нужны даже не на хлеб, а на водку...»

После этого случая он купил себе простые наручные часы на ремешке и сменил френч с оскверненным и обобранным кармашком для часов на черный костюм-тройку.

Виктор Николаевич договорился с работниками кинозала Дома культуры связи о том, что по воскресеньям перед началом двенадцатичасового фильма несколько девочек из класса будут декламировать стихи, а за это их и еще человек десять будут бесплатно пускать в кино. Все так и было — мы старательно читали стихи, а потом стайкой рассаживались на приставные места.

В те годы стало появляться цветное кино. Была выпущена целая серия картин о выдающихся исторических личностях — дилогия «Адмирал Ушаков» и «Корабли штурмуют бастионы», «Николай Пирогов», «Мичурин», «Композитор Глинка», «Мусоргский». Каждый из этих фильмов тогда производил на меня сильное впечатление. А как же! Главный герой — герой! Он борец, созидатель, вынужден всего добиваться своим умом, трудом и талантом... Мне кажется, нашему наставнику эти фильмы тоже нравились. Герои его волновали. Он говорил нам, что надо «делать жизнь» именно с таких людей. Только после просмотра фильма «Педагогическая поэма» по книге А. С. Макаренко был очень задумчив, хотя ни словом тогда не обмолвился о злой роли Антона Семеновича в своей собственной судьбе.

Всем классом смотрели «Падение Берлина» с Геловани в роли Сталина. Фильм не обсуждали. Просто культпоход, внеклассная работа воспитателя. Потом — «Кубанских казаков». Учитель

выбрал для обсуждения одну сюжетную линию — трудный путь главных героев друг к другу. А нам — глупым девчонкам — герои казались старыми: ей около сорока, а ему где-то под пятьдесят. Какая же любовь в таком возрасте?! «Нет девочки, вы не правы, — улыбаясь, возражал Виктор Николаевич. — «Любови все возрасты покорны». Александр Сергеевич знал, что писал». Учитель был совершенно очарован песнями на музыку Дунаевского: «Эти песни немедленно подхватил народ. Их поют буквально повсюду. Что может быть большей наградой автору, чем народное признание!»

* * *

На уроках литературы мы никогда ничего не «проходили». Мы жили жизнью литературных персонажей, сочувствовали, сопереживали, страдали им (даже отрицательным). Пьесы читали по ролям, работал весь класс.

Три неудачных ответа — точка в нижней части клеточки напротив фамилии. Три точки внизу — двойка в журнале. Три хороших ответа — точка в центре клетки; три точки в центре — четверка в журнале. Три отличных ответа — точка в верхнем углу клетки, три точки — пятерка. А тройка — из комбинации точек, поставленных в разных местах. Длинных ответов Виктор Николаевич не поощрял. По ходу урока (как по русскому языку, так и по литературе) он успевал опросить практически каждую ученицу. В результате в течение недели все получали по несколько оценок. Нам некогда было болтать и пересмеиваться, мы были постоянно заняты.

Он требовал от нас подтянутости, опрятности, четкости в мыслях и формулировках, краткости в изложениях и сочинениях. Больше того, уделял внимание внешности каждой ученицы: аккуратно заплетенные косы, выглаженные банты, белые воротнички, наглаженные передники (это уже в 1950—1951 годах, когда ввели обязательную форму — коричневое платье с черным передником в обычные дни, то же платье с белым передником и белыми лентами в косах — в праздничные). Вычищенная обувь, развернутые плечи (не горбиться!), втянутый живот.

Учитель не только осматривал, но буквально обнюхивал нас (нет ли дурного запаха изо рта, от немытого тела, от несвежего белья). Если что-то замечал, делал замечание, но так, что никто из окружающих даже не догадывался. А мне о том, что обнюхивал, рассказал лишь много лет спустя.

Был требователен к речи — она должна быть негромкой, но предельно четкой (никакой «каши во рту»). Говорить надо, глядя на собеседника, ни в коем случае не отворачиваясь от него. Писать на доске — обязательно выше головы, тогда сидящие в классе сумеют прочесть написанное. Отвечать — повернувшись к классу на три четверти, а на одну четверть — к доске, чтобы видеть, что сама написала. Писать в тетради — разборчиво и сжатым почерком, чтобы на строке можно было уместить не менее семи-девяти слов. Он терпеть не мог размашистого почерка, уверял, что такой почерк свидетельствует о размашистости характера. А это плохо, так как задевает окружающих. В «Вишневом

саде» кто-то говорит Лопахину: «Не размахивайте руками». Виктор Николаевич уделял особое внимание этой реплике...

Шли последние годы жизни корифея, «великого кормчего». В школьной программе было стихотворение Исаковского со знаменитыми строчками: «Мы так вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе». В этом месте торжественный голос учителя дрогнул (я отлично помню), здесь было что-то глубоко затаенное.

II

Думаю, пора рассказать об отношениях Виктора Николаевича с педагогическим коллективом. Насколько я могла заметить, большинство коллег молчаливо (или не очень) ненавидело его за яркость, необычность, собственную методику обучения и блестящие результаты этой методики, за любовь и уважение, которые к нему испытывали ученики с первых дней знакомства. По-настоящему его поддерживала только Ольга Родионовна Струговщикова, преподававшая нам историю Древнего мира. К счастью, как я уже говорила, она была завучем начальных и средних классов — лицом официальным. Однажды, когда я и еще несколько одноклассниц небольшой группой стояли рядом с нею на перемене, Ольга Родионовна доверительно рассказала нам, что Виктор Николаевич — необычный учитель, о нем и его школе 1920-х годов написана книга, в наши дни запрещенная и изъятая из всех библиотек.

Кое-кто (например, Валентина Васильевна Бабенко и Игорь Александрович Родионов — оба ма-

тематики) тайно симпатизировал Виктору Николаевичу. Но директор школы Анна Ивановна Тимофеева, учительница истории Мария Федоровна Шпакова («Марфа», как мы ее называли) и многие другие были бы рады сжить его со свету.

Еще в пятом классе нам как-то удалось узнать, что 26 ноября у Виктора Николаевича день рождения, и мы решили что-нибудь ему подарить. Собрали какие-то деньги — попросили у родителей, сэкономили на завтраках и других личных нуждах и купили красивый фотоальбом в черном бархатном переплете. Арина Леонтьева своим идеальным почерком сделала дарственную надпись. Я от лица всего класса поднесла подарок перед началом урока. Виктор Николаевич был очень тронут.

Конечно, в школе об этом узнали. Марфа вскоре остановила меня на перемене и спросила: «Шендерова, правда ли, что ваш класс поздравил Сорока-Росинского? Кто вас научил?» (Марфа не признавала имен, только фамилии.) Я ответила, что никто не учил, что мы сами так решили. «Ну, что ж, — сказала Марфа, — в следующий раз подарите вашему Сорока-Росинскому хоть шляпу с пером!» Я, глубоко изумленная, молча на нее смотрела.

Несмотря на неодобрение других учителей, и в следующие годы наш класс делал Виктору Николаевичу подарки. Мы очень старались, деньги копили исподволь, подарки были красивые и нужные — вместительный портфель, тонкий стакан в ажурном подстаканнике. Думаю, и учитель и

класс были одинаково счастливы.

Часто приходилось слышать от других учителей: «Ох, уж этот ваш Сорока-Росинский!» Сам Виктор Николаевич, естественно, ничего нам не рассказывал. Слава богу, открыто против него никто выступать не решался. А мелкие, хотя и болезненные уколы — что тут поделаешь... Позже я узнала, что в его жизни были конфликты и посерьезней. Но об этом позже.

Однажды праздновали какой-то юбилей Маяковского. Нужно было что-то «дать». Учитель обещал «дать», но отозвал меня и сказал, что на торжестве его не будет и мне предстоит самостоятельно составить композицию из стихов Пушкина и придумать «мостик», связывающий судьбы и творчество двух поэтов. Ведь Маяковский же написал, обращаясь к Пушкину: «После смерти нам стоять почти что рядом...»

Я все продумала. Отобрала подходящие стихи, каждое стихотворение поручила той однокласснице, которая хорошо его читала, себе взяла «Памятник». Придумала и вводную прозаическую часть. Ничего не записывала, все держала в уме. Выступление прошло успешно, и моя прозаическая часть («мостик») произвела впечатление. Зрители бурно аплодировали, а по окончании торжества Марфа и директриса буквально пытали меня, чтобы добиться признания, сколько времени я заучивала этот текст, составленный, по их твердому убеждению, Сорока-Росинским. Когда я сказала, что текст придумала сама, вовсе его не записывала, а

Виктор Николаевич ничего не проверял, они мне абсолютно не поверили.

Учитель вообще регулярно давал мне различные поручения и, когда я успешно с ними справлялась, хвалил и даже называл своей «правой рукой». Но при этом на уроках мне доставалось замечаний больше, чем любой другой девочке, — за каждые два-три слова, сказанные шепотом соседке, да мало ли за что еще... Мне постоянно говорилось, что у меня не должно возникать «головокружения от успехов». Название этой работы вождя, посвященной, как я выяснила впоследствии, анализу колхозного строительства, почему-то было очень в ходу и использовалось по самым разным поводам.

Когда меня выбрали председателем совета дружины, Виктор Николаевич был явно недоволен. Я должна была безраздельно принадлежать своему классу. К слову, его не особенно радовало то, что я была «круглой» отличницей. Он считал, что у человека должны быть склонности либо к гуманитарным, либо к точным, либо к естественным наукам. Вот в области склонностей — успехи в учебе. А со мной какой-то непорядок.

Несмотря на свои обширные познания в детской психологии, он, кажется, не догадывался о том, какой груз лежал у меня на душе. С того дня, когда он впервые вошел в класс, школа разделилась для меня на две неравные части. Одна — светлая, яркая, где все время было заполнено какими-то чрезвычайно важными делами, — это мой учитель и все, что с ним связано. Другая казалась мне (или была?) — темной, угрюмой, отвратительной!

В этой другой части были неплохие, а может быть, и хорошие педагоги, интересные предметы. Но, тем не менее, эта половина школьной жизни стала для меня невыносимой, нестерпимой — а терпеть все-таки приходилось.

Виктор Николаевич уделял много внимания ученицам с особенно острыми семейными проблемами. Например, он всячески развивал таланты Нины Ф., при любой возможности ободрял ее, часто хвалил (по-моему, даже слишком часто), внушал ей веру в себя и свои успехи. А позже рассказал мне, что у Нины был отчим, который притеснял, унижал ее. Мать, родившая второго ребенка от второго мужа, была полностью под его влиянием, превратила дочь в няню и уборщицу, не интересовалась ее школьными делами. Нина жила в холодном, неродном доме, всем чужая, второсортная. Поэтому вера в себя была нужна ей как воздух.

Много лет спустя я узнала, что учитель постоянно опекал (по его выражению «подкармливал») еще нескольких моих одноклассниц, которым жилось неблагополучно (сильно пьющие отцы и отчимы при хорошо знакомой нам всем бедности и тесноте). Когда мне было уже за тридцать, я случайно встретилась с одной из них — Ларисой А. Она работала продавщицей в гастрономе, обслужила меня вне очереди и сказала, что очень благодарна Виктору Николаевичу.

От Ларисы я узнала, что самые слабые в учебе, вынужденные пойти в ремесленное училище после семилетней школы, получили рабочие профессии, дружат между собой, нередко

собираются и тепло вспоминают и учителя, и нас, «ведущих» — хороших учениц, которые им помогали. Хотя в школе между «ведомыми» и «ведущими» дружбы не было.

* * *

Так получилось, что я — обязательный участник, а нередко и руководитель любого дела, касающегося жизни класса, — стала объектом раздражения и, мягко говоря, неприязни некоторых из одноклассниц. Мне и в голову не приходило, что за каждым моим шагом, словом, жестом, взглядом пристально и недоброжелательно наблюдают. Например, Оля Э., как выяснилось, вела дневник, в который скрупулезно заносила все мои «грехи».

Однажды на каком-то второстепенном уроке, а может быть, на перемене, сидевшая за мной очень хорошая, скромная Люся Соловьева зачем-то расплела и снова заплела мои вполне приличные косы. Вскоре меня обступили со всех сторон и стали осыпать упреками: я, дескать, «важная персона», я «точно королева», у меня «своя камеристка», и тут появился дневник, выдержки из которого Оля Э. выразительно и злобно зачитала.

Бедная Люся просто не знала, что делать. Она пыталась объяснить, что я не только не заставляла, но никогда не просила ее ни о каких услугах. Стоял дикий гам. В лицо мне летели ужасные обвинения и оскорбления. Прозвучало слово «жидовка». И тогда я в отчаянии ударила Олю по щеке. Воцарилась тишина. Оля зарыдала и в тот же день пожаловалась Виктору Николаевичу. Он не стал слушать моих объяснений и сурово осудил мой

поступок перед всем классом. Сказал, что такое «позволяли себе только фельдфебели». Я даже заболела с горя на несколько дней. Потом все более-менее утихло. Спустя пятнадцать лет мы встретились с Олей в трамвае и говорили исключительно дружелюбно.

И все-таки, несмотря на особую строгость, Виктор Николаевич любил меня, доверял, заботился обо мне. Как-то в шестом классе, после уроков, оставшись со мной с глазу на глаз, он сказал: «Знаешь, Рива, я должен тебя предупредить: тебе достались очень неудобные для нашей жизни имя и фамилия. Ну, фамилию сменишь, когда выйдешь замуж. А имя во что бы то ни стало постарайся сменить в момент получения паспорта». Я ответила, что меня крестили Ириной. Учитель обрадовался: «Будем звать тебя Риной. Пусть все привыкнут». И со следующего дня начал так меня называть, а за ним — и другие. Правда, из этой затеи все равно ничего не вышло. Когда настало время получать паспорт (в конце декабря 1952 года, в девятом классе), начальник паспортного стола категорически мне отказал. К более высокому начальству я обратиться не решилась.

В седьмом классе Виктор Николаевич снова пришел ко мне в гости в день моего рождения, подарил две хрустальные вазочки-салатницы и серебряную позолоченную чайную ложечку, украшенную червленым узором. На ложечке была маленькая этикетка из ювелирного магазина. Учитель посоветовал ложечкой пока не пользоваться, этикетку не снимать. По его словам, эта вещьца может помочь «в минуту жизни трудную». Теперь эта

ложечка — драгоценный сувенир моей семьи. Как и в первое посещение, он был исключительно любезен, нашел добрые слова для каждого из присутствующих, посидел не более двадцати минут и попрощался. И снова очаровал всех благородством манер, простотой и доброжелательностью.

Когда в шестнадцать лет у меня выявили подростковый туберкулез, Виктор Николаевич, уже не преподававший в нашем классе, как-то узнал об этом, был очень взволнован и дал мне двести рублей (1952 год) на фрукты. В семнадцать лет, за сутки до первого выпускного экзамена, я попала на операционный стол с прободной язвой двенадцатиперстной кишки. И опять он дал мне денег на хорошее легкое питание после операции. А к выпускному вечеру подарил целых четыреста рублей на туфли.

В седьмом классе я вдруг решила, что пойду учиться на машинистку-стенографистку, овладею профессией и скоро смогу зарабатывать, помогать семье. Поделилась своими планами с учителем (даже мама ничего не знала). Внимательно выслушав меня, Виктор Николаевич сказал: «Не делай глупостей. С твоими способностями ты обязана кончить среднюю школу, а затем — твоё место в университете. Кому же там учиться, если не тебе?» Больше о курсах стенографии и машинописи я не помышляла.

Вышел Указ Верховного Совета СССР о награждении учителей за многолетнюю самоотверженную работу орденами Ленина и Трудового Красного знамени. Помню, что в школе эти награды получили две-три

учительницы, седые, благообразные и абсолютно никакие. Мы побежали к Ольге Родионовне узнать, почему не награжден наш любимый учитель. Ведь ему уже за шестьдесят пять лет. Он так много и интересно работает, так много знает, все свое время отдает нам! Ольга Родионовна, глядя куда-то вдаль, ответила, что Сорока-Росинский много лет преподавал в институте, а те учительницы — всегда в школе... На торжественном собрании все возносили награжденных. Виктор Николаевич сидел прямо, молча. За всю жизнь он не получил от советской власти ни одной награды.

* * *

Но вот подошел к концу седьмой класс. Мы хорошо сдали экзамены и закончили неполную среднюю школу. На праздничном собрании всех выпускниц, где нам вручали аттестаты, Виктор Николаевич произнес почувствовавшую речь, заканчивавшуюся словами: «Всегда и везде пойте своим голосом, пусть он негромкий, незвучный, но обязательно свой».

Виктор Николаевич больше не мой учитель. Он взял себе три пятых класса. Потом он говорил мне, что двенадцать-четырнадцать лет — самый лучший возраст, из девочек можно «лепить» характеры, как фигурки из воска. После четырнадцати девчонки начинают «невеститься», их головы забиты другим, с такими неинтересно. С 1949 года он работал еще и в методическом кабинете.

Итак, я уже в восьмом классе той же 233-й школы (школа была растущей, и на протяжении четырех лет с

1951-го по 1954 год мы были старшими: семиклассницами, восьмиклассницами, девятиклассницами и наконец — первым выпуском десятиклассниц). Два параллельных класса с французским языком слили в один, учениц Виктора Николаевича в нем было всего двенадцать (из тридцати шести). Многих девочек с вполне приличными оценками перевели в другую школу, самые сильные из «ведомых» пошли в техникумы, все остальные — в ремесленные училища. В своем 8 «Б» мы, ученицы Сорока-Росинского, держались особняком. Нас побаивался наш классный руководитель, преподаватель русского языка и литературы Самуил Абелевич.

Чтобы как-то заполнить пустоту в душе, я пошла в школьный кабинет Эрмитажа изучать историю искусства Европы, начала петь в хоре при Доме учителя в Юсуповском дворце. Но вот однажды на перемене Виктор Николаевич подозвал меня и сообщил, что у него большая радость — он наконец-то получил отдельную комнату, пусть совсем крохотную, всего восемь квадратных метров, в коммунальной квартире на Садовой (дом 86, квартира 4 — легко запомнить: 8, 6, 4). Он пригласил меня и еще по моему выбору четыре-пять моих подруг на новоселье. Я выбрала Арину Леонтьеву, Галю Григорьеву, Таню Троянker, Риту Тимофееву. Вместе со мной — пятеро.

Ах, какой это был праздник! Как красиво и вкусно он нас угощал: сначала немного рыбы, затем ветчина с зеленым горошком и маслинами, на десерт — рокфор. И вина в различных

стопках, стопочках, рюмках разного калибра. Стопки и рюмки — хрустальные, стопочки — серебряные, маленькие. Из них в начале застолья пили херес и мадеру (буквально по одному глоточку, но, подержав во рту, чтобы хорошо распробовать), потом из рюмок побольше под ветчину — грузинские вина. Их понемногу отхлебывали, предварительно нюхали, взбалтывали и снова нюхали, потом пили маленькими глотками, не торопясь. К сыру Виктор Николаевич разлил по крошечным рюмкам ликер и объяснил, что его не столько пьют, сколько лижут.

Посуда была красивая — фарфор, темно-синий кобальт с золотым колоском, приборы — серебряные вилки, ножи из нержавеющей стали с серебряными ручками. Хлеб, черный и белый, изящно нарезанный, лежал в корзиночке с салфеткой. Салфетка была у каждого прибора, а крохотный столик был накрыт скатертью.

* * *

В этой милой комнатке я бывала регулярно на протяжении девяти лет. Каждый год той же компанией — 26 ноября, в день рождения учителя. А в остальных случаях — я одна, иногда с кем-то из младших сестер. И всегда нас ожидал праздничный стол и хозяин, полностью готовый к приему гостей — аккуратно выбритый, подстриженный и причесанный, сорочка с галстуком, пиджак застегнут на все пуговицы. Грязную посуду мыли, тщательно вытирали и тут же расставляли ее по местам. Иногда пили кофе или какао со сгущенным молоком, на стол подавалось печенье или

сухарики. За два-три дня до прихода я звонила. В трубке раздавался знакомый голос: «Слушаю... А, Рива, очень рад. Приходи» (называл день и час). Я никогда не опаздывала, — Виктор Николаевич опозданий не терпел.

Комната выходила двумя окнами во двор. Правое окно — в глухую стену, расположенную совсем рядом. Оно было навсегда закрыто большим, вместительным буфетом с множеством ящиков и отделений. По-моему, там хранилось все наличное имущество. Вдоль другой, параллельной стены стояла узкая кровать, покрытая ковром, получалась тахта, на нее садилось два-три человека. В левой части комнаты — обеденный стол, покрытый клеенкой. За ним же учитель работал — писал, читал. Над столом небольшая полка с книгами, толстыми тетрадями и фарфоровыми фигурками — персонажи «Мертвых душ» и «Ревизора» производства нашего фарфорового завода.

По правой стенке маленькая тумбочка (она и служила гостевым столиком для «больших приемов»), ее можно было выдвинуть, точнее, придвинуть к кровати. Над тумбочкой — еще одна полочка с толстыми тетрадями и маленьким бюстом А. В. Суворова. На рабочем столе — настольная лампа. Над кроватью — небольшой ковер, настенная лампа и небольшая, овальной формы икона с изображением Михаила Архангела. В первый раз, видя наше изумление (дети атеистического времени), учитель сказал: «Это родительское благословение. Я с ним не расстаюсь». С потолка спускалась необычная лампа — соединен-

ные треугольником небольшие трубки дневного света, накрытые вместо абажура крепдешиновым платком в крупную красно-сине-белую клетку. Возле рабочего стола — два стула. Третий — между буфетом и подоконником. На окне — штора.

За столом Виктор Николаевич был неизменно доброжелателен и вел себя не как наставник и воспитатель, а исключительно как радушный хозяин. И мы чувствовали себя свободно и уютно. Он интересовался каждой из нас, радовался нашим успехам, вникал в планы, поддерживал. Разговор не прерывался ни на миг. Учитель любил расспрашивать Арину о Новгороде (тогда его не называли Великим). В этом городе он окончил гимназию, прекрасно знал героическую и трагическую историю новгородской земли. Новгородская вольница — бельмо в глазу великих князей Московских — была удручена с невиданной даже в те давние времена жестокостью. Традиции прежней культуры, почти всеобщей грамотности, торговой сменки, многочисленных ремесел, выборного, сменяемого аппарата управления городом-республикой — все было вырублено с корнем. А за бескрайние земли, принадлежавшие Новгороду еще в XI веке и утраченные во времена репрессий, Россия вела кровопролитные войны и при Иване Грозном, и особенно при Петре Великом.

Виктор Николаевич любил новгородские памятники — Кремль, фрески Феофана Грека в старинных храмах, Юрьев монастырь, Ярославово Дворище, языческую Перынь. Он искренне горевал, зная, как чудовищно прошла по Новгороду война.

Помнил, что у Арины есть близкие родственники в тех краях (все о нас знал!), она бывает там во время летних каникул и видела, что осталось от города и как его восстанавливают.

III

Задушевные беседы учитель вел со мною одной.

В 1953 году я узнала, что он оставил нашу школу и перешел в другую, совсем близко к дому, на Лермонтовском проспекте. А вскоре он сказал мне, что вышел на пенсию. «Понимаешь, Рива, я совсем плохо стал видеть. Даже у сидящих на первых партах вместо лиц вижу какие-то блины. Нельзя работать с классом, не видя лиц своих учеников».

Но трудиться Виктор Николаевич не переставал. Изобрел новинку — «орфографическое лото»; из последней школы, где он преподавал до пенсии, по договоренности с учителями русского языка и завучем ему присылали семь-восемь абсолютных двоечников. С ними он занимался в прихожей ежедневно по одному часу после уроков до тех пор, пока они не переходили в разряд «твердых троечников». Тогда Виктор Николаевич звонил в школу и просил «новую партию». «Мои идиотики» — так он ласково называл их в наших разговорах.

Учитель был чрезвычайно увлечен своим лото, видел большую перспективу в его использовании, но *никто* не хотел вдуматься, перестроиться, внедрить новинку, и куда бы он ни обращался с предложением взять работу на апробацию (разумеется, без вознаграждения), — ни одна школа, ни один методический кабинет, ни одна кафедра русского языка не решилась на экспе-

римент. Но Виктор Николаевич — по крайней мере внешне — не унывал, продолжал совершенствовать свое детище. Много писал, но мне никогда ничего не показывал. «Тебе не нужно. Ты и так грамотная», — услышала я в ответ на свою просьбу посмотреть лото.

Говорили мы с ним о многом. Например, о несчастной любви. «Несчастной любви не бывает. Любить гораздо важнее, чем быть любимым». О возможности любви «с первого взгляда». Он в такую любовь верил, рассказал, что однажды с площадки стоящего поезда увидел на площадке встречного и тоже стоящего поезда женщину. Они обменялись такими взглядами, что он до сих пор — через сорок лет — это помнит. Поезд тронулся, они не успели сказать ни слова, только помахали друг другу рукой.

На мой вопрос, любил ли он покойную Эллу Андреевну, свою жену, Виктор Николаевич ответил, что они вступили в брак не по страстному чувству, а скорее с расчетом. Элла Андреевна была его коллегой, другом, разделяла его вкусы и убеждения, они искренне симпатизировали друг другу, у них были прочные супружеские отношения, но страсти не было. У каждого позади было многое. У нее — первый брак и дочь от него (муж умер, оставив ее молодой вдовой), встречи с другими мужчинами. У него — сын и, естественно, собственный опыт различных встреч и связей, в том числе «опасных». Одна из них оказалась настолько опасной, что Виктор Николаевич чуть не попал за решетку. Он был молод, влюблен («не платонически», по его выражению) и вдруг узнал, что он не единс-

твенный возлюбленный у своей дамы. Произошел скандал, разрыв, Виктор Николаевич ушел, а дама вскоре была кем-то застрелена. Подозрение пало на него, началось следствие. До суда дело не дошло (нашли убийцу), но, по словам учителя, «пережить пришлось немало». История в стиле Ф. М. Достоевского — его любимого писателя.

Учитель постоянно кого-то опекал. Среди его подопечных я несколько раз встречала Лиду, девушку моего возраста (я была уже студенткой), где-то работавшую. Однажды Лида вместе с моими подругами отмечала его день рождения, причем вела себя по-хозяйски — знала, где что лежит и стоит, накрывала на стол, прибирала. Она казалась старше нас, хотя мы были одноклассниками. Вскоре, когда я пришла одна, Виктор Николаевич рассказал, что Лида живет в очень тяжелой обстановке — в семье, где все пьют и скандалят, ни в чем ее не стеснясь. Прибавил, что девушка она неплохая, но у него потихоньку «поворачивает». Я страшно негодовала, а он спокойно ответил, что у Лиды много добрых задатков, они перевесят дурные наклонности. Через некоторое время я узнала, что Лиду он все-таки прогнал, когда та унесла почти всю его пенсию. А еще через несколько месяцев Лида пришла к нему со своим женихом, очень приличным, просила прощения и пригласила на свадьбу. Учитель очень радовался, купил ей едва ли не целое приданое, был на свадьбе. Судьба девчонки устроилась, она выбралась из родительского дома, семья мужа ее приняла.

Говорили об одиночестве. Виктор Николаевич рассказал, что ему час-

то приходилось быть одному, теперь он привык, а раньше иногда и страдал. «В таком огромном городе, как Петербург, а ныне Ленинград, вокруг ежедневно видишь сотни и тысячи лиц, но ты всем чужой, никто не поздоровается, никому нет дела до тебя. Не то в Германии. В Мюнхене я каждый вечер приходил в одно и то же кафе, сидел за одним и тем же столиком. Видел, как добрые отцы семейств со своими фрау и киндер целые вечера проводят в этом кафе. Мужчины по глоточку отпивают пиво из огромных кружек, откусывают по кусочку сосиски на вилке и рассуждают о политике. Женщины вяжут и говорят о своих делах. Дети играют. Иногда мужчины дают своим женам отхлебнуть пива, откусить кусочек сосиски. И вот я как-то приболел и несколько вечеров не приходил в кафе. А когда пришел, бюргеры повскакали с мест, подбежали ко мне, хлопали по плечу, жали руку, повторяли, что очень беспокоились, а теперь рады меня видеть. С этого вечера я уже не сидел один. Подсаживался к ним, все приветливо махали рукой, приглашали к своим столикам, тоже пил пиво глоточками и откусывал сосиску по кусочку, беседовал о политике. Было тепло на душе».

О путешествиях. Я сказала, что мечтаю «увидеть мир», и прибавила, что завидую морякам дальнего плавания. Виктор Николаевич ответил, что путешествия — это замечательно, но они требуют пристального внимания. Хорошо не просто побывать, но пожить в городе, городке, селе, изучить природу, быт, искусство. Чужие страны и города, как и все явления в жизни, надо сравнивать по принципу

сходства и различия с тем, что хорошо знаешь, а для этого требуется время. Учитель бывал в Европе, но хорошо знал только Германию. Что же касается моряков дальнего плавания, то они, по его словам, не бывают нигде, кроме кабаков и борделей. А эти заведения везде одинаковы.

Виктор Николаевич знал, что я с пятого класса собираюсь стать историком. Восторга не испытывал, но и не отговаривал. Советовал заняться археологией, давал читать книги о только что открытом государстве Урарту. Мои занятия в школьном кабинете Эрмитажа одобрял, занятия в хоре тоже. Он и сам постоянно «попевал» (так он говорил), рассказывал, что в молодости пел «очень недурно». Любил оперу — русскую и итальянскую, находил между ними большие различия. Очень высоко ценил «Бориса Годунова», считал, что музыка вполне достойна пушкинского текста. Оперы «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» оценивал так: музыка превосходна, но либретто — особенно «Пиковой дамы» — не выдерживают критики.

В 1954 году, накануне выпускного экзамена по литературе, я попала на операционный стол. Экзамены на аттестат зрелости не сдавала и, хотя в моем аттестате стояли только отличные оценки, золотую медаль не получила. Сдала на общих основаниях вступительные экзамены на биофак ЛГУ. Виктор Николаевич хвалил меня, сказал, что я совершила мужественный поступок — выйти на экзамены через два с половиной месяца после тяжелой операции «не каждому по плечу». А еще добавил: «Хорошо, что ты не пошла на исторический фа-

культет. История у нас — загадочная наука. Чтобы в ней сделать карьеру, надо очень много и глубоко молчать». Как гуманитарий, он не представлял себе, каким полем битвы была у нас биология. Но и я этого пока что не знала, а похвалой учителя очень гордилась — он видел во мне человека, имеющего собственные принципы, «поющего своим голосом».

Незадолго до смерти Сталина учитель был мрачен и снова сказал, что с моим именем и фамилией у меня многое будет «неладно».

Он восторженно приветствовал разоблачения Н. С. Хрущева, сделанные на XX и XXII съездах партии. Точнее, нет, не восторженно, а глубоко одобрительно. В это время он сообщил мне, что Зиновьев — ближайший сподвижник Ленина, первый секретарь Петроградского, затем Ленинградского губкома партии, скрывался вместе с Лениным в Разливе. Жена Зиновьева поддерживала ШКИДу. На известной картине, висящей в Смольном, позади Ленина, буквально за его плечом, была изображена фигура Троцкого. Вообще в гражданскую самые популярные имена были: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев; имени Сталина никто и не слышал. Да, была оборона Царицына, ею руководил какой-то Сталин. Учитель говорил негромко и посоветовал никому всего этого не пересказывать.

* * *

Наши беседы становились все откровеннее. Об отечественной истории. Россия, несмотря на все, что в ней можно назвать прекрасным, по сравнению с Европой — глубоко отсталая страна. Ивана IV Грозного Виктор

Николаевич считал исчадием ада, опричнину — кровавой сатанинской выдумкой. Сталин и его окружение — точное повторение Ивана Васильевича с верными опричниками. Обратил мое внимание на пьесу «Великий Государь» (автора не помню), которая шла в нашей Александринке с участием самых блестящих актеров долгие годы при жизни Сталина и была навсегда убрана из репертуара после XX съезда.

Говорил, что «Союз Михаила Архангела» и «Союз русского народа» — позорные организации погромщиков и убийц, официально поддерживаемые в начале XX века «насквозь прогнившей властью». Считал Николая II одним из главных виновников тех катаклизмов, которые сотрясали нашу страну. Вновь обеспокоенно предупредил меня, что с давних времен до сего дня у нас сохраняется бытовой антисемитизм. Даже великий Достоевский не был от него свободен.

И тут я напомнила учителю о том, что была жестоко наказана им — «фельдфебель», «унтер Пришибеев» и тому подобные слова, публично брошенные мне в лицо за то, что я дала пощечину Оле Э. «Вы, Виктор Николаевич, даже не выслушали меня! Ведь я защищала свое достоинство, Оля назвала меня жидовкой. Чем и как, по-вашему, я должна была ей ответить?»

Он долго молчал. Наконец произнес: «Почему ты мне ничего не рассказала? Ну не тогда, после?» Я ответила: «Вы сами учили, что жаловаться подло». — «Я был категорически не прав. Судья (а я взял на себя его роль) обязан выслушать обе стороны, прежде чем принять решение.

Я не пожелал слушать тебя, только возмущался твоим поступком. Ведь ты — моя любимая ученица, на тебя равняется класс, а тут руки распустила... Да, Рива, у тебя не было другого выхода. Олю надо было поставить на место. Я виноват. Прости меня».

Я со слезами на глазах ответила, что давным-давно простила, хотя тогда, много лет назад, мне было очень тяжело и тоскливо. «Понимаю, Рива. Сделанного не воротишь. Досталось-таки тебе. Сильным всегда достается больше», — прибавил учитель, горько усмехаясь.

Он считал, что «объединительная» идея монархии — «самодержавие, православие и народность» — полностью перенесена в нашу жизнь: генеральный секретарь правит, как самодержец; партийные идеи и щупальца опутали все стороны жизни, как прежде — Православная церковь (характеристики, отчеты беспартийных на партбюро и тому подобные прелести нашей жизни — это те же справки от приходского священника о постах, посещениях храма и благонамеренности, без которых нельзя было обвенчаться или получить должность в государственном учреждении). Наконец, народность. Это безликая масса, одобряющая все решения батюшки-царя. Была и осталась. Даже мощи свои завели для поклонения — Мавзолей с его набальзамированными обитателями. После 1957 года одного обитателя убрали. И Ленина надо захоронить по российскому обычаю, ни в коем случае нельзя оставлять тело поверх земли.

Помню, как Виктор Николаевич волновался, когда началась травля Бориса Пастернака из-за опублико-

ванного «там» «Доктора Живаго», из-за присужденной автору Нобелевской премии. «Понимаешь, Рива, какая низость, когда человек от станка, пусть отличный производственник, никогда ни одной строки не читавший из Пастернака, фамилии его никогда не слышавший, клеймит его позором по бумажке, написанной кем-то из партбюро. А тот, кто писал бумажку, тоже не читал и не слышал ничего о Пастернаке. Все спущено сверху, а выдается за «народное мнение». Я тоже не читал «Доктора Живаго», у нас его нигде не печатали. Но я отлично знаю Пастернака — большого поэта и превосходного переводчика пьес Шекспира. За рубежом с Нобелевской премией в кармане Пастернак мог бы безбедно жить до конца своих дней». Передаю слова учителя как можно точнее.

А вот волнения совсем иного рода: «СССР запустил искусственный спутник. Лайка в космосе! Белка и Стрелка в космосе! Это великолепно. Это отличная визитная карточка страны. Вот увидишь — скоро и человек полетит в космос». Виктор Николаевич с большим подъемом рассказал, что совсем недавно его навещил бывший ученик из школы военных летчиков в Горно-Алтайске (где учитель некоторое время работал в эвакуации), ныне офицер в немалых чинах, связанный с Центром космических исследований. Так этот офицер сообщил, что в нашей стране существует обширная космическая программа, создана группа летчиков-испытателей и кто-то из них обязательно полетит в космос.

Еще о временах Хрущева: «Знаешь, Рива, я теперь из газет вырезаю фото членов нашего Политбюро,

наклеиваю их на бумагу и рассматриваю сквозь сильную лупу. Ну и рожи! Ни одного приличного лица!»

Виктор Николаевич вспоминал о своих родителях. Отец — украинец, дворянин по рождению, по бедности пошел вольноопределяющимся. Начал службу солдатом, потом закончил юнкерское училище, постепенно дотянул до подполковника. Мать — дочь священника на Черниговщине, женщина образованная и твердого характера. Это она настояла на том, чтобы единственный сын, мечтавший о карьере военного (Суворов — любимый герой), получил образование в лучшем в те годы университете России — Санкт-Петербургском.

И вот в 1901 году он поступил на историческое отделение историко-филологического факультета, собирався написать историю суворовских войн. Но уже в четвертом семестре увлекся совершенно новой и в России, и в Европе наукой — экспериментальной психологией. В 1903 году поставил удачные опыты в этой области под руководством молодого, только что вернувшегося из Европы приват-доцента Н. О. Лосского. Эксперименты оказались столь значительными, что студент получил императорскую стипендию и освобождение от платы за обучение.

К моменту окончания Университета подготовил свою первую публикацию страниц на пятьдесят. Познакомился и близко сошелся с академиком Бехтеревым и его любимым учеником профессором А. Ф. Лазурским. Под их руководством овладел педагогикой и педологией (наукой о ребен-

ке) и с 1908 года начал преподавать. Преподавал философию, историю, географию, работал в хороших гимназиях Санкт-Петербурга — во Введенской, Ларинской, а с 1913 года — в только что открывшейся элитной Стрельнинской гимназии. Награды и чины шли с положенной скоростью. Кстати, учитель сказал мне, что был награжден медалью «За спасение погибающих», но где и как отличился, не уточнял.

О Февральской революции: принял ее всей душой, но корил ее вождей за бесхребетность, «вождизм», за то, что позволили развалить армию.

Октябрьскую революцию вначале тоже принял. А вскоре рассуждать и прикидывать стало некогда — улицы захлестнули толпы бездомных и голодных детей и подростков. Педагогупсихологу дел было по горло. Так в наших беседах была впервые упомянута (бегло, почти с телеграфной краткостью) «Школа индивидуально-социального воспитания имени Ф. М. Достоевского для трудновоспитуемых» (даю полное название, взятое мною из Государственного архива Санкт-Петербурга) — ШКИДа, как ее называли воспитанники и преподаватели. Не касаясь деталей повести Пантелеева и Белых и лишь в целом охарактеризовав авторов, Виктор Николаевич рассказал, что появление этой книги вызвало гнев самой Н. К. Крупской. Она увидела в ШКИДе просто бурсу с изолятором, противостоянием воспитанников и педагогов, отсутствием политзанятий и физического труда.

Позднее я нашла статью Крупской «Воскресшая бурса» (журнал «На путях к новой школе», 1927,

№ 4, с. 158–159), где Надежда Константиновна с возмущением пишет: «...не в Чухоме какой-нибудь, а в Ленинграде процветает советская бурса, руководимая людьми, работа которых ничего общего с задачами, поставленными советской властью, не имеет». И в конце: «Бурс, хотя бы они и называли себя советскими детдомами, нам не надо».

В 1920-е годы Крупская курировала в правительстве вопросы образования и социального воспитания. На одном из всесоюзных педагогических совещаний она ехидно прошла по поводу методов — ненужных, буржуазных, откровенно вредных — «какого-то», точнее, «какой-то сороки». Оппонент от ЦК противопоставила этим методам и их автору систему А. С. Макаренко с ее предельно осязаемой трудовой конкретикой. Даже одного этого выступления было достаточно, чтобы создатель ШКИДы (которая, по словам ее воспитанников, «хоть кого исправит») был навсегда занесен в число неблагонадежных. А ведь он еще и вел журнальную полемику...

Вынужденный сменить работу, в 1925–1928 годах Виктор Николаевич становится заведующим в школе № 39 для трудновоспитуемых Центрального района Ленинграда (их было более восьмисот, мальчики и девочки вместе). Этот период своей деятельности учитель ценил особенно высоко — занимался школьным строительством, разрабатывал планы уроков (революция их отменила), сочетал учебу с работой в хорошо оборудованных мастерских, налаживал связь с родителями. В эти же годы Виктор Николаевич интенсивно вел практические занятия

на кафедре трудного детства у профессора Бельского в педагогическом институте. Много писал о методике преподавания, в частности, о том, что учебный процесс надо максимально сочетать с игрой — так легче и быстрее усваивается любой материал.

В конце 1928 года его «убрали» и из школы, и из пединститута. Перебывался кое-как, вел занятия с психоневротиками в институте Бехтерева, в Топографическом техникуме. Много писал, но его не печатали. В 1936 году (в возрасте пятидесяти четырех лет) получил возможность преподавать русский язык и литературу в средней школе.

Войну он встретил в Ленинграде. Жена эвакуировалась со своим педагогическим институтом имени Покровского в августе 1941 года, но эвакопоезд попал под бомбежку. Элла Андреевна погибла. Ее дочь за несколько лет до этого умерла от туберкулеза. Сын с 1938 года служил в РККА.

Виктор Николаевич работал, пока в августе 1942-го его не свалила дистрофия. По дороге в тыл у него украли чемодан с самыми ценными вещами (теми, которые меняют на хлеб), документами и законченными рукописями двух учебников — «Построение и ведение урока русского языка в средних классах» и «Обучение выразительному чтению в средних классах».

Работал сначала в Горно-Алтайске, затем, с 1944 года, — в Киргизии, в Пржевальске. С восхищением вспоминал об озере Иссык-Куль и о весенних маках на окрестных горах. Между прочим, в эвакуации выиграл первый тур конкурса на лучший учебник русского

языка, но потом все материалы вдруг пропали, «будто вовсе не бывали».

Рассказывал, что приехать в Ленинград после войны оказалось чрезвычайно сложно. Семьи нет. Дом разрушен (в квартиру попал снаряд), уничтожены все вещи, письма и рукописи... С огромным трудом добился разрешения вернуться в 1948 году.

* * *

В 1957-м или в 1958 году я, предварительно согласовав день и час, привела к учителю Костю Кузьминского, студента моего факультета, поэта, с которым у меня стремительно развивался роман. Я просила хорошенку рассмотреть Костю, поговорить с ним, послушать его стихи, но ничего мне сразу не говорить, а сообщить свое мнение письменно. Визит состоялся, беседа была оживленной, еда и напитки, как обычно, — очень вкусными. Я волновалась ужасно.

Через несколько дней получила письмо. Оно начиналось словами: «Дорогая Рива!» Далее Виктор Николаевич откровенно не одобрял мой выбор: Костя в мужа не годится. Муж должен быть «зарплатоносителем», а не просто смазливый юношей. У Кости ветер в голове. Стихи его абсолютно не самостоятельны, безудержно подражает Маяковскому. Суждения самонадеянны, за ними чувствуется отсутствие знаний и склонности к систематическому труду. В конце письма — шуточное четверостишие:

Ходит птичка весело
По тропинке бедствий,
Не предвидя из сего
Никаких последствий.

И подпись: «Любящий тебя В. Сорока-Росинский». С Костей мы вскоре расстались.

Примерно в тот же период по ходу одной из наших встреч учитель весело сообщил мне, что теперь он «человек семейный» — приехал его сын (после войны долгое время работавший в Средней Азии) с невесткой и сватьей. Они живут в отдельной квартире, и раз в неделю-две Виктор Николаевич будет у них обедать.

Несколько позже на мой вопрос, как дела во вновь обретенной семье, он задумчиво ответил, что всего еще не понял. «Невестка собирается поступать в консерваторию на вокальный факультет, мнит себя оперной певицей, но голос у нее, по-моему, невелик. Сын... Ну, что говорить? Посмотрим». И через пару минут с грустью прибавил: «Так получилось, Рива, что в течение всей моей жизни я постоянно имею дело с людьми — подростками, юношами, молодежью, взрослыми. К большинству из них сумел «подобрать ключ», со многими поддерживаю самые добрые отношения на протяжении долгих лет. Вот ты мне как дочь. А с родным сыном никогда не было настоящего контакта, хотя с 1920-го по 1938 год мы жили вместе». В дальнейшем учитель больше никогда не касался этой темы, и я не смела расспрашивать.

Рассуждая о разных профессиях, Виктор Николаевич сказал: «Труд педагога, воспитателя, ученого растягивается на долгие годы. Плоды труда в лучшем случае увидишь через много лет, а можно при жизни и вовсе не дожидаться. Труд рабочего конкретен, результаты видны сразу: взял токарь заготовку, обточил ее на станке, тут же получилась деталь. Или дворник — подмел лестницу, двор, улицу — стало чисто.

Как-то в ШКИДе я долго хлопотал, чтобы нам замостили двор, достал кирпич, цемент, инструменты, а рабочих все не присылают. Тогда я своим приказом объявил, что все без исключения преподаватели, воспитатели, хозяйственные работники и воспитанники старших и младших классов в ближайший день выходят с утра на работу. Вышли все и, надо отдать должное, трудились с большим энтузиазмом, даже самые отпетые лентяи. К вечеру двор был полностью вымощен, кусты подстрижены и ого-рожены, стволы тополей побелены. Все были довольны. И вот теперь я как-то поехал на Курляндскую. В здании ШКИДы располагается какой-то швейный цех. А двор через тридцать с лишком лет уцелел! Он мощный, нет грязи. Мне стало приятно. И снова думаю: педагог трудится долгие годы, практически всю жизнь, но лишь изредка видит результаты своей работы. Когда их видишь — это счастье».

Виктору Николаевичу вспомнилось, что кто-то из философов выдвинул такую идею: каждому человеку при рождении отпускается примерно одинаковое количество жизненной энергии. Но один человек расходует свою энергию постоянно маленькими порциями. Другой за всю жизнь совершает единственный, но крупный, значительный поступок. Третий — несколько не столь значительных, но все же заметных поступков, подчас отделенных большими временными промежутками. На мой вопрос: «А вы к какой категории себя относите?» — он, засмеявшись, ответил: «Пожалуй, к третьей. Кстати, Рива, знай, что ШКИДу я отнюдь не считаю глав-

ным, а уж тем более единственным серьезным делом своей жизни. Было и до нее и после очень много интересных и бесполезных дел. Вот хотя бы наш «роман» с твоим классом. Такая сердечная привязанность с обеих сторон! Мне она согрела душу, вдохнула молодые силы. А ты и твои подруги много позже поймете, как важно и необычно было все, чем мы занимались».

Как всякий житель коммунальной квартиры, Виктор Николаевич посещал общественные бани. В середине 1950-х годов из раздевалок постепенно исчезли шкафчики для белья и одежды и вместо них появились открытые диванчики. Посетители раздевались и одевались на глазах друг у друга. Вот тогда Виктор Николаевич обнаружил, что мужчины носят не кальсоны и нижние рубашки, а трусы и майки. С глубоким изумлением он как-то сказал мне: «Представляешь, Рива, человек тщательно, от души намылся и тут же голыми ногами влезает в уличные брюки! А их отпаривают в лучшем случае если и каждый день, то только снаружи. В большинстве случаев их отпаривают не чаще раза в неделю. Эту одежду не стирают вовсе. Нижнее белье защищает кожу от всякой дряни и прекрасно предохраняет от простуды. Зря от него отказались. Неладно это».

IV

Я работала в лаборатории, ходила на научные заседания, влюблялась, но дружбы с учителем не прерывала и приходила к нему не реже, а даже чаще. Однажды вечером я пришла в назначенное время, дверь, как обычно, открыла соседка и тут же у порога сообщила, что Виктора Николаевича с острым животом накануне увезли на «скорой».

На следующий день я, прихватив белый халат, благо работала в медицинском НИИ, купив что-то подходящее, бегом бросилась в больницу. Добралась до палаты, робко вошла в нее (там было много мужчин — все в больничной одежде). Виктор Николаевич лежал, уже прооперированный. Он был очень смущен. Сказал, что операция была необходима, прошла вполне удачно, что ему ничего не нужно, чтобы я не приходила его навещать, а по прошествии какого-то времени позвонила ему домой, и, как только узнаю, что он дома, мы продолжим наши свидания и беседы. Видя мое крайнее огорчение (он не хотел взять принесенную мной еду), все-таки разрешил оставить передачу.

Он был горд, потрясаяще горд. Сам всю жизнь помогавший людям, не принимал никакого снисхождения, помощи, услуг. Помню, что в общественном транспорте (поездки «на острова», в кино, в театры), я много раз видела, как женщины пытались уступить ему место. Он благодарил, но никогда не садился, отвечая, что вполне способен постоять. А наедине со мной спрашивал: «Неужели я так стар и немощен?! Нет, нет. Женщина не должна стоять, а я — сидеть».

В 1958-м или 1959 году в жизни учителя появилась девочка лет двенадцати, то есть на десять лет моложе меня, Верочка, дочь дворничихи, помогавшей ему по хозяйству — мыть окно, убирать квартиру, точнее, места общего пользования (коридор, прихожую, кухню, туалет), когда наступала его очередь. Конечно, он платил ей, а воспитанием Верочки занимался даром и с большой охотой. Я видела Верочку

несколько раз. Милая девчушка, бойкая, все носиком шмыгала. Виктор Николаевич ласково и терпеливо приучал ее к порядку, водил в кино, что-то рассказывал ей, может быть, занимался и с нею русским и литературой. Он очень привязался к Верочке, а мне говорил, что если я заменила ему дочь, то Верочка — внучку.

И все время учитель работал. Писал. Иногда к моему приходу не успевал закончить «свой урок», сидел за столом в жилете, без пиджака. Просил меня извинить его, дописывал намеченный раздел, немедленно надевал пиджак, подтягивал галстук и застегивал все пуговицы.

Однажды, после того как привычная компания моих подруг посетила его в день рождения, Виктор Николаевич заметил мне, что кое-кто злоупотребляет косметикой — перекрашивает волосы, подводит глаза, красит губы. «Это уже не девушка, а какой-то яркий цветок, который буквально кричит: “Опылите меня!”» — иронически прибавил учитель. Он был твердо убежден, что молодость — наше лучшее украшение, менять то, что дано природой, — только портить, разрушать гармонию.

Когда, окончив университет, я четыре месяца не могла найти работу, а следовательно, сидела без денег и буквально жила от одного обещания до другого, я предложила Виктору Николаевичу взять меня секретарем-переписчиком. Но он посоветовал мне настойчиво искать работу, не тратить времени зря; сказал, что к нему собираются прислать аспирантку института Герцена, что она и кафедра (я не спросила, а он не назвал эту кафедру),

кажется, заинтересовались его работой, дело пойдет веселее.

* * *

Снова говорили о путешествиях. К этому времени большинство моих подруг уже посетили Крым или Кавказ, а я нигде не была. Учитель утешал меня и предложил в следующем году, когда я уже буду работать, поехать вместе с ним в Крым.

«Кавказ — это дикость, а Крым — это древняя Таврида, города Босфорского царства, это Эллада. Я исходил Крым, особенно его южный берег, Судак, Коктебель пешком. По Крыму только так и можно путешествовать. Кстати, здесь и наша славная история. А пейзажи! Представляешь, Рива, дорога-серпантин — крутая и бесконечная. Где-то внизу огромное синее море. Рядом — обрывы и горы. Они всякий раз иные — розоватые, розовые, дымчатые, голубоватые, серо-коричневые, грозные, мрачные — в зависимости от времени суток и освещенности.

Много раз во время путешествия Элла Андреевна вдруг просила остановиться и начинала шумно восхищаться. Я сразу же останавливался и тоже восторгался. Но в глубине души знал, что остановка вызвана прежде всего тем, что у Эллы Андреевны слабое сердце, она попросту задыхается и ей требуется немедленный отдых. Сама она ни за что не призналась бы в своей слабости. Она не выносила жалости и снисхождения, была всегда подтянута и элегантна».

Итак, с лета 1959 года мы с Виктором Николаевичем начали мечтать о поездке в Крым. Мне было двадцать два года, у меня не было ни

работы, ни денег; ему шел семьдесят седьмой год, он работал, не покладая рук, абсолютно бесплатно, жил на скромную пенсию.

Никогда не жаловался ни на что. Только однажды сказал, что практически утратил интерес к пище: «Просто по необходимости ввожу в себя потребное количество углеводов, белков, жиров. Хорошо, что ты, Рива, заходишь ко мне — одна или с подругами. Тогда я готовлюсь к приему и вместе с гостями ем и пью с удовольствием».

Наступил 1960 год. Я бывала у Виктора Николаевича по-прежнему и время от времени по просьбе мамы одалживала у него рублей по тридцать—пятьдесят. Наша семья жила мучительно трудно. Обычно деньги я возвращала частями, по пятнадцать—двадцать рублей. Виктор Николаевич охотно давал мне займы, аккуратно заносил долг в записную книжку, так же аккуратно вычеркивал приносимые мною части долга. Где-то в мае я в очередной раз заняла у него пятьдесят рублей, а в июне возвратила из них тридцать пять.

В середине июля мне представилась возможность принять участие в экспедиции на берег Карского моря, увидеть полярный день, тундру, познакомиться с бытом ненцев и, разумеется, развернуть там биохимическую лабораторию. Я с радостью согласилась. И буквально за день до отъезда пришла к Виктору Николаевичу и принесла последние пятнадцать рублей. Он никак не хотел брать этих денег, уверял, что я все вернула, но я помнила, что не все. Наконец он нашел остаток долга, как-то очень развеселился,

тщательно, жирно перечеркнул цифры и поставил дату — 16 июля 1960 года.

Мы снова принялись говорить о предполагаемом путешествии по Крыму. Я буду откладывать хоть по двадцать рублей в месяц, что-то скоплю, получу отпускные. Учитель покажет мне свои любимые места... Как обычно, вместе поужинали, выпили вина за мою первую экспедицию и за наши будущие встречи.

Я вернулась из командировки в Заполярье только в самом конце августа и совсем больная — открылись сразу две язвы желудка. Меня срочно госпитализировали в Институт скорой помощи для терапевтического лечения, продлившегося до 25 октября. А выписываясь из клиники, я узнала, что Виктора Николаевича больше нет.

Он нес билет в кино для своей «внушки» Верочки, переходил Садовую, не услышал отчаянных звонков вагонного жатого (плохо слышал), попал под трамвай, получил множественные тяжелые травмы и умер в машине «скорой помощи» по дороге в больницу, не приходя в сознание. Это произошло 1 октября 1960 года. Четвертого октября его хоронил педагогический коллектив нашей 233-й школы и той (260-й), где Виктор Николаевич работал перед выходом на пенсию.

Мои подруги, навещавшие меня в клинике, скрыли от меня гибель Виктора Николаевича. По их словам, я, как нарочно, беспрестанно повторяла, что 26 ноября мы опять пойдем к учителю, а я уж к этому времени не только выйду из больницы, но буду

совсем здоровой, смогу все есть и пить и не испорчу праздника.

Узнав о смерти Виктора Николаевича не от подруг, не от мамы, а от просто знакомой, я сначала не поверила. Не может быть!!! На другой день кинулась к Арине, она подтвердила — все правда. Мир рухнул. Я поехала на Садовую. По словам соседей, после его смерти появился сын, взял кое-что из вещей. Я спросила: «А где же бумаги, где работы Виктора Николаевича?!» Мне ответили, что сын от многих из них отказался, что-то взял, и дворничиха — мама Верочки — вынесла множество вещей и бумаг на помойку и сожгла, а самые тяжелые тетради, альбомы и книги сдала в макулатуру.

В конце 1959-го — начале 1960 года он подарил мне свою фотокарточку 9 на 12 см, чрезвычайно удачную. Сказал: «Хочу, чтобы у тебя была память обо мне». Фотографу как-то удалось поймать самое главное — ироническую улыбку, острый взгляд из-под очков, общее выражение лица... После его смерти я увеличила фотокарточку до размеров 18 на 25 см, отпечатала ее и каждой подруге из тех, кто вместе со мной праздновал у него новоселье, подарила по портрету.

Всю мою трудовую жизнь (сорок два года) эта фотография лежала под стеклом на рабочем столе. Теперь она вклеена в фотоальбом. А увеличенный портрет с 1961 года в рамке висит на стене в моей комнате.

Виктор Николаевич всегда со мной.